

Научная статья

УДК 343.212

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).82-90

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ НОРМАТИВНОГО ПРЕДПИСАНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Р.Г. Асланян*Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

23 июля 2021 г.

Дата принятия в печать

18 февраля 2022 г.

Дата онлайн-размещения

11 марта 2022 г.

Ключевые слова

Система уголовного права; уголовно-правовая норма; нормативное предписание; гипотеза уголовно-правовой нормы; диспозиция уголовно-правовой нормы; статья уголовного закона

Аннотация. Вопросы внутреннего строения и систематизации особенной части уголовного права сохраняют свою актуальность, несмотря на множество научных сочинений, посвященных этой проблеме. Один из сложных вопросов теории состоит в характеристике начального элемента системы отрасли права уголовного права. В качестве такового наука предлагает рассматривать либо правовую норму, либо нормативное предписание. Дискуссия по поводу их соотношения имеет существенное значение в рамках позитивистской теории права. Поддерживая идеи логической модели соотношения нормы и предписания, автор утверждает, что уголовно-правовая норма как целостное правило поведения, определяющее права и обязанности участников уголовно-правовых отношений, складывается из нескольких нормативных предписаний. С этой позиции норма является логической формой выражения некоторой совокупности нормативных правовых предписаний. Нормативное предписание особенной части уголовного права выступает ядром, определяющим содержание и структуру уголовно-правовой нормы. Значимым вопросом теории выступает проблема соотношения нормативного предписания и текста статьи уголовного закона. На основе логических категорий «понятие» и «суждение» в работе доказывается, что уголовно-правовое предписание особенной части не должно отождествляться с текстом уголовного закона, поскольку они соотносятся между собой как содержание и форма. Логической формой выражения предписания выступает отдельное предложение текста статьи особенной части Уголовного кодекса как суждение, выражающее законченную законодательную мысль. Содержание нормативного предписания особенной части уголовного права заключается в установлении оснований и пределов применения мер уголовно-правового реагирования в отношении лиц, совершивших преступления. Структурно это предписание включает гипотезу, раскрывающую специфические признаки конкретных составов преступлений, и диспозицию, описывающую меру свободы государства в выборе видов и размеров наказания, которые могут быть назначены виновному лицу. В целях соблюдения конституционных правил формулирования уголовно-правового запрета и обеспечения логических норм их выражения в тексте закона в статье обоснована необходимость отказа от использования назывных диспозиций и воспроизведения в диспозиции указания на название преступления.

Original article

THE CONCEPT AND CONTENT OF REGULATORY PRESCRIPTION IN THE SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW

Ruslan G. Aslanyan*Kuban State University, Krasnodar, the Russian Federation*

Article info

Received

2021 July 23

Accepted

2022 February 18

Available online

2022 March 11

Abstract. The questions of the internal structure and system of the special part of criminal law remain relevant in spite of a large number of scientific works on this topic. One of the complicated theoretical questions is the characteristics of the initial element of the branch of law's system in criminal law. Scholars suggest using either the legal norm or the regulatory prescription as such an element. The discussion of their correlation is of much significance within the framework of the positivist theory of law. The author supports the ideas of the logical model of correlation between the norm and the prescription and claims that the criminal law norm, as a holistic rule of behavior determining the rights and liabilities of the participants of criminal law relations, consists of several regulatory prescriptions. From this position, the norm

Keywords

The system of criminal law; criminal law norm; regulatory prescription; hypothesis of criminal law norm; disposition of criminal law norm; article of criminal law

is a logical form of expressing some aggregate of regulatory legal prescriptions. The regulatory prescription of the special part of criminal law is the core determining the contents and structure of the criminal law norm. A significant theoretical issue is the correlation between the regulatory prescription and the text of the criminal law article. Using the logical categories of «concept» and «proposition», the author proves that criminal law prescription of the special part is not to be equated with the text of criminal law because their relationship is that of content and form. The logical form for the expression of a prescription is a separate sentence in the text of the Criminal Code's Article, a proposition that expresses a complete legislative thought. The contents of the regulatory prescription of the special part of criminal law consist in establishing the grounds and limits of using measures of criminal law reaction against persons who committed crimes. The structure of such prescriptions includes the hypothesis that defines characteristic features of specific crimes, and the disposition that described the degree to which the state is free to decide on the choice of the type and amount of punishment that can be imposed on the guilty person. In order to observe the constitutional rules of formulating the criminal law prohibition and ensuring the logical norms of their expression in the text of the law, the author proves the necessity of phasing out the use of simple dispositions and the repetition of the title of the crime in the disposition.

Введение

Одним из дискуссионных, сложных и окончательно не решенных вопросов общей теории права и, следовательно, отраслевой теории уголовного права является вопрос, связанный с пониманием того, что выступает в качестве элементарной единицы системы права: правовая норма или правовое предписание. Основой для его обсуждения выступают зримые противоречия между правом как содержанием и законом как его формой, между нормой права как целостным правилом поведения, которое призвано урегулировать общественные отношения, и нормативным предписанием как внешней формой дискретного выражения этого правила посредством отдельных властных велений. Попытка его преодоления привела к формированию в науке трех основных моделей, объясняющих соотношение нормы и предписания:

1. «Логическая» модель. Основывается на понимании уголовно-правовой нормы как правила, выводимого логическим путем из отдельных нормативных предписаний, предусмотренных уголовным законом [1, с. 295; 2, с. 21–22].

2. «Нормативная» модель. Признает правовой нормой властное веление и уравнивает правовую норму и нормативное предписание [3, с. 16; 4, с. 47].

3. «Смешанная» модель. Утверждает, что существует два вида правовых норм: норм-правил поведения и норм-предписаний [5, с. 8–9; 6, с. 17].

В рамках каждой из этих моделей вопросы структурирования уголовного права приобретают специфическое разрешение: от отождест-

вления системы права и закона до отрицания возможности построить систему права на основе концепта «норма права».

В наших теоретических построениях мы будем развивать логическую модель соотношения нормы права и правового предписания, придерживаясь следующих аспектов:

– норма права не может пониматься одновременно и как правило поведения, и как властное веление, ибо суть нормы права всегда едина;

– норма права не может отождествляться с властным велением, поскольку это лишает ее свойства логической целостности и завершенности, приводит к отождествлению нормы права и статьи закона;

– норма права содержит идеальную модель правоотношения, включает в себя весь необходимый набор элементов, воплощение которых упорядочивает эти отношения не только с точки зрения их формального соответствия тексту закона, но и с позиций соответствия принципам права, норма права есть всегда целостное правило поведения субъектов правоотношения [7].

Уголовно-правовая норма в итоге может мыслиться как результат логических построений субъекта, который конструирует эту норму права на основе отдельных нормативных предписаний, отраженных в правовых источниках. Правовая норма при таком подходе — результат теоретического обобщения некоего исходного правового материала; она — модель поведения, собранная логическим путем из отдельных предписаний, предписание же выступает начальным элементом этой модели. Имен-

но предписание, а не норма, в таком случае является результатом властной законодательной деятельности по урегулированию уголовно-правовых отношений. При таком понимании правовой нормы строить на ее основе систему уголовного права не представляется возможным. Логичным будет утверждение, что именно нормативно-правовое предписание, а не норма права, должно признаваться начальным элементом системы права.

Этот общий тезис воспринят отраслевой наукой в качестве методологической основы познания системы уголовного права [8, с. 185; 9, с. 159]. Однако такое признание, насколько мы можем судить, либо остается общей констатацией, либо ограничено областью изучения внутреннего строения общей части уголовного права. Нормативные предписания системы особенной части уголовного права в качестве самостоятельного предмета исследования в науке не проанализированы в должной степени, что обуславливает необходимость дополнительного и специального исследования данного вопроса.

О соотношении нормативного предписания и текста закона

А.В. Мицкевич, автор идеи нормативно-правового предписания, определял его как «то или иное логически завершенное положение, прямо отраженное в тексте нормативного акта государственного органа и содержащее обязательное для других субъектов, учреждений решение государственной власти». Он указывал, что правовое предписание — «это самый текст статей, пунктов или других грамматически и логически завершенных частей нормативных актов» [10, с. 36].

В отраслевой науке эта идея также поддерживается. А.В. Денисова, например, определяет нормативное предписание как элементарную частицу нормативно-правового акта [11], а В.П. Коняхин предписание общей части уголовного права рассматривает как закрепленный в рамках отдельного тезиса, пункта части статьи или статьи общей части уголовного закона структурный элемент (субэлемент) уголовно-правовой нормы [8, с. 185].

Признавая принципиальную допустимость такого понимания, полагаем все же, что оно нуждается в определенной корректировке. Нормативное предписание как некое веление правотворческого органа с необходимостью должно быть облечено в логически завершен-

ную форму, которая позволяла бы адекватно воспринимать смысл этого веления. Верно пишет М.Л. Давыдова: «Обязательной чертой нормативного правового предписания считается его логическая завершенность. С синтаксической точки зрения, существенным признаком завершенности коммуникативной единицы языка является ее контекстная свобода, или самодостаточность единицы. Она предполагает отсутствие необходимости обращения к внешним источникам информации. Мысль законодателя выражена здесь от начала и до конца, смысл веления может быть понят без учета контекста» [12, с. 27].

Заметим, однако, что требование логической завершенности подчеркивается в приведенных общетеоретических определениях нормативного предписания, но упускается из вида в процитированных ранее суждениях отраслевых специалистов. Между тем это является принципиальным обстоятельством. Вне логической формы, обеспечивающей восприятие текста, смысл этого текста будет совершенно неясным [13].

В логике общепризнанно, что основными формами, с помощью которых отражается действительность в мышлении, выступают понятие, суждение и умозаключение, они служат способом связи элементов мысли, средством ее строения [14, с. 12]. Если какой-либо элемент текста закона, обособленный на уровне статьи, части статьи или пункта статьи, не облечен в одну из этих форм, в рамках существующей сегодня логической системы мышления понять смысл этого текста не представляется возможным. Возьмем, например, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Это самостоятельный структурный элемент текста закона, расположенный в отдельном пункте части статьи особенной части закона. Его текст дословно звучит: «Двух или более лиц». Сама по себе эта фраза не содержит определенного смысла, для его понимания данный пункт должен быть истолкован как минимум в связи с предыдущим словом — «убийство», которое структурно в тексте закона обособлено от п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Только вместе «убийство» и «двух или более лиц» могут составить понятие как элементарную форму логического мышления. Предписание, таким образом, не выражено в тексте закона непосредственно, оно устанавливается нами путем контекстуального толкования как минимум двух единиц текста.

Кроме этого, возможны и иные ситуации, когда в рамках одной структурной единицы текста закона содержится несколько нормативных правовых предписаний. Как указывает В.М. Сырых, «по своему словесно-логическому построению нормативное предписание представляет собой отдельное предложение или даже отдельную фразу. При этом необязательно, чтобы оно было оформлено в виде отдельной статьи, пункта или иной структурной единицы нормативно-правового акта» [15, с. 86]. К примеру, ч. 1 ст. 132 УК РФ содержит веление законодателя о криминализации трех видов опасного поведения, каждый из которых облечен в самостоятельное понятие — «мужеложство», «лесбиянство», «иные действия сексуального характера».

На наш взгляд, уже только эти примеры свидетельствуют о том, что между структурной единицей текста уголовного закона и уголовно-правовым предписанием нельзя ставить знак равенства.

В нашем представлении текст уголовного закона — просто знаковая система, посредством которой законодатель выражает свои веления. Отсюда и соотношение нормативного правового предписания и текста закона стоит рассматривать с позиций соотношения содержания и формы. Тезис о том, что уголовно-правовое предписание формулируется в статье, части, пункте статьи уголовного закона может рассматриваться в качестве общего, но далеко не универсального правила, поскольку конструирование текста уголовного закона подчинено юридуко-техническим требованиям, а конструирование нормативного предписания — логическим законам. Уголовно-правовое нормативное предписание, таким образом, это логически завершенная законодательная мысль, выраженная в тексте нормативного акта.

Такое утверждение является важным шагом к последующему уточнению, которое касается логической формы этой мысли. В данном случае в первую очередь нас интересует вопрос о начальной, если допустимо так выразиться, минимальной логической форме законодательного веления: выступает в качестве таковой понятие или суждение. Вопрос о соотношении понятий и суждений в логике весьма сложный. Однако общий подход состоит в признании наличия между ними тесных связей: всякое суждение формулируется посредством понятий, но понятие не может быть определено без суждения. С точки зрения языковых форм выражения, поня-

тие формулируется словом, суждение — предложением. Следовательно, если нормативное предписание является понятием (как элементарной формой выражения мысли законодателя), то такое понятие всегда представляет собой некое суждение. К примеру, понятие «кража», которое дается в ч. 1 ст. 158 УК РФ выражается суждением: «Кража есть тайное хищение чужого имущества». Суждение, таким образом, может быть признано главным содержанием нормативного предписания. Это обстоятельство представляется крайне важным в контексте обсуждения связи предписания и текста закона. Если суждение и есть предписание, а грамматическим выражением суждения выступает предложение, то есть все основания поддерживать А.И. Ситникову, которая, исследуя предписания уголовного права в текстологическом контексте, указывает, что «уголовно-правовое предписание представляет собой законченный нормативный текст, то есть законодательное высказывание, которое исчерпывает целевую заданность этого предписания, имеет смысловую и формальную завершенность», и далее, что важно, «нормативное предписание — это нормативное предложение, которое является фрагментом нормативного текста; модель, при которой одному предложению в тексте закона соответствует одно нормативное предписание, является оптимальной» [16, с. 73, 75–76].

С учетом сказанного можно на данном этапе исследования сделать технический вывод, что уголовно-правовое предписание особенной части представляет собой логически завершенное суждение законодателя, выраженное в предложении особенной части уголовного закона.

О содержании нормативного предписания

Принципиальный вопрос, который необходимо обсудить, состоит в выяснении конструкции такого предложения и его смысла. В уголовно-правовой литературе, с одной стороны, общепризнанным является мнение о том, что особенная часть уголовного права содержит описание преступлений и наказаний [17], с другой стороны, встречаются весьма существенные различия, касающиеся детализации этого описания. Так, В.Н. Борков и А.А. Нечепуренко указывают, что особенная часть содержит описание перечня преступлений и мер наказаний за их совершение [18, с. 5]; А.В. Грошев говорит, что в ней содержится описание признаков

деяний, признаваемых преступлениями, виды и размеры наказаний, а также специальные основания освобождения от ответственности за их совершение [19, с. 43]. Очевидно, что между перечнем деяний и признаками деяний есть существенная разница, а описание признаков деяний и описание возможной реакции государства на их совершение — это разные виды описаний. В связи этим вопрос о содержании предложений, составляющих особенную часть уголовного закона, или иначе — о содержании нормативных предписаний особенной части уголовного права требует уточнения.

Прежде всего необходимо высказать несколько соображений по поводу того, что особенная часть уголовного права содержит перечень преступлений. Само слово «перечень» является вполне подходящим для описания особенной части уголовного права в том отношении, что она представляет собой некий упорядоченный список деяний, признаваемых преступлениями. Однако акцент на номенклатуре преступных деяний дезавуирует описание самих деяний, составляющих перечень. Отсюда возникает важнейший вопрос, выходящий далеко за рамки простого исследования системы уголовного права: должен ли уголовный закон содержать описание признаков преступных деяний или же достаточно, чтобы в нем содержался их перечень. Эта проблема непосредственно связана с традиционными рассуждениями о простых (назывных) и описательных диспозициях статей особенной части уголовного закона, приобретающих особое звучание в свете принципа правовой определенности.

Согласно нашим подсчетам в особенной части УК РФ содержится 34 назывные диспозиции (3,6 % от общего числа)¹, остальные в той или иной степени содержат указание на отдельные признаки описываемых преступлений. Назывные диспозиции фактически не раскрывают, не описывают признаков преступления. С точки зрения логической формы выражения законодательного веления они являют собой не суждение, а понятие. Толкование и раскрытие этого понятия — удел правоприменителя,

¹ К числу назывных нами отнесены диспозиции ч. 1, 2 ст. 108; ч. 1 ст. 109; ч. 1, 2 ст. 114; ч. 1 ст. 118; ч. 1 ст. 122; ч. 1 ст. 126; ч. 1 ст. 128; ч. 1 ст. 138; ч. 1 ст. 159.3; ч. 1 ст. 166; ч. 1 ст. 205.2; ст. 210.1; ч. 1 ст. 221; ч. 1 ст. 221.1; ч. 1 ст. 223.1; ч. 1 ст. 228.1; ч. 1 ст. 228.3; ч. 1 ст. 228.4; ч. 1 ст. 229; ч. 1 ст. 230; ч. 1 ст. 232; ст. 233; ч. 1 ст. 243; ч. 1 ст. 243.3; ч. 1 ст. 280; ч. 1 ст. 299; ч. 1, 2 ст. 301; ст. 322.2; ст. 322.3; ст. 329; ч. 1, 2 ст. 353; ч. 1 ст. 354 УК РФ.

а также задача толковательной деятельности Верховного Суда РФ. Конституционный Суд РФ не усматривает в таких диспозициях повода для сомнений в качестве уголовного закона и выраженных в нем предписаний. Он указывает в ряде своих решений, что «отсутствие в законе формально определенных критериев тех или иных понятий... само по себе не может расцениваться как нарушающее конституционные права граждан»², «не дает оснований считать, что эти понятия не имеют законодательно установленных рамок, вследствие чего допускается их произвольное истолкование»³, признает, что «определение степени формализации признаков того или иного преступления как составная часть нормотворческого процесса — исключительная компетенция законодателя»⁴.

Однако в научной литературе отношение к назывным диспозициям весьма настороженное, а А.В. Наумов прямо называет их «дефектом законодательной техники» [20, с. 216]. Не углубляясь в детальное исследование вопроса о назывных диспозициях, выразим принципиальное согласие с его позицией, что в контексте рассматриваемых нами вопросов позволяет утверждать: особенная часть уголовного права не должна содержать «банального» перечня преступлений, в ней необходимо представить описание (в идеале — развернутое) признаков этих преступлений [21]. В связи с этим приведенное ранее суждение А.В. Грошева по исследуемой проблеме признается нами более убедительным. Основной массив диспозиций статей особенной части уголовного закона (96,4 %) более или менее подробно описывает признаки за-

² По делу о проверке конституционности ряда положений ст. 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева : постановление Конституц. Суда РФ от 20 нояб. 2007 г. № 13-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 6.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чавкина Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 20 нояб. 2003 г. № 431-О. URL: http://www.ksrf.ru:8081/SESSION/S__U3Kzndh2/PILOT/main.html.

⁴ По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова : постановление Конституц. Суда РФ от 20 дек. 1995 г. № 17-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

прещенных деяний, а сами статьи, кроме прочего, устанавливают и размеры возможного наказания за совершение данных преступлений.

В рассуждениях о содержании уголовно-правового предписания особенной части стоит обратить внимание на способ описания признаков состава преступления в диспозиции статьи. Исследование показало, что 30 диспозиций (3,2 % от общего числа или 3,3 % от числа описательных диспозиций) содержат уникальный прием описания, включающий в себя указание и на название преступления, и на его признаки (по типу ч. 1 ст. 158 УК РФ — «кража, то есть тайное хищение чужого имущества»⁵). Остальные диспозиции статей особенной части УК РФ не включают в описание преступления его наименования (по типу ч. 1 ст. 336 УК РФ — «оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы»).

Это на первый взгляд малозначимое обстоятельство вызывает серьезный вопрос, касающийся структуры нормативного предписания особенной части уголовного права. Дело в том, что в ситуации, когда определение признаков преступления сопровождается указанием на понятие этого преступления, предложение, формулирующее нормативное правовое предписание, приобретает сложный состав. В таких ситуациях «происходит своеобразное наложение одного предложения на другое, одной логической фразы на другую» [22, с. 30]. В итоге в одном предложении обнаруживается одновременно и понятие определенного деяния, и суждение о наказуемости этого деяния. Предписание, таким образом, последовательно отражает две формы логического мышления: и понятие, и суждение. Анализируя эти случаи на примере ч. 1 ст. 158 УК РФ, М.Л. Давыдова указывает, что в ч. 1 ст. 158 УК РФ говорится: «Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, наказывается штрафом». В данном случае в виде вставочной конструкции (части предложения) сформулирована правовая дефиниция, которая выступает как самостоятельное нормативное правовое предписание. Если это

предложение разбить на два, смысл правовых велений не изменится: «Кража — это тайное хищение чужого имущества» и «Кража наказывается...» [12, с. 30–31].

Такой прием построения предложений и структурирования нормативных предписаний вызывает несколько вопросов. Может ли нормативное предписание особенной части уголовного права ограничиваться выражением лишь понятия, а не суждения? Может ли нормативное предписание выражаться частью предложения нормативного акта? Является ли основной задачей нормативных предписаний особенной части формулирование признаков преступного деяния или же формулирование суждения о пределах их наказуемости?

Начать следует с последнего. Опыт создания и теоретического обоснования уголовных законов, не определяющих границы наказуемости преступления, известен отечественному праву с 1930-х гг. и справедливо отвергнут. В современных условиях нормативное предписание о преступности того или иного деяния, не сопровождаемое указанием на параметры его наказуемости, представляется немыслимым. Тем не менее исключительно с теоретической точки зрения такие предписания вполне могут быть смоделированы. В этом случае предписания особенной части уголовного права будут содержать понятия преступлений отдельных видов, а вопросы их наказуемости отнесены к сфере регулирования общей части с предоставлением суду широких полномочий по определению вида и размера уголовного наказания. Очевидно, что такая модель не может обсуждаться всерьез, поскольку содержит недопустимо высокие риски нарушения прав человека. Можно в качестве общего тезиса сформулировать идею о том, что предписание особенной части уголовного права в принципе должно представлять нормативное суждение именно о наказуемости того или иного преступления. Такой подход в большей степени коррелирует пониманию уголовного права как средства ограничения свободы на усмотрение государства в противодействии общественно опасным посягательствам.

Теперь об описании преступного деяния в статье особенной части УК РФ. Представляется, что с точки зрения и логики построения нормативного предписания, и текстологических правил отражения их в законе, «вставочные конструкции», о которых пишет М.Л. Давыдова, являются излишним и неоправданным при-

⁵ Такой способ описания преступления установлен в ч. 1 ст. 105; ч. 1 ст. 128.1; ч. 1 ст. 131; ст. 136; ч. 1 ст. 158; ч. 1 ст. 159; ч. 1 ст. 159.1; ч. 1 ст. 159.5; ч. 1 ст. 159.6; ч. 1 ст. 160; ч. 1 ст. 161; ч. 1 ст. 162; ч. 1 ст. 163; ч. 1 ст. 185.3; ч. 1 ст. 196; ч. 1 ст. 197; ч. 1 ст. 204.1; ч. 1 ст. 205.4; ч. 1 ст. 213; ч. 1 ст. 214; ст. 275; ст. 276; ч. 1 ст. 282.1; ч. 1 ст. 291.1; ч. 1 ст. 292; ч. 1 ст. 293; ст. 304; ч. 1 ст. 330; ч. 1 ст. 338 УК РФ.

емом, поскольку не привносят в содержание предписания никакой новой информации. У законодателя имеется две потенциально возможные альтернативы:

1. Ограничиться назывными диспозициями и оставить раскрытие понятия преступления того или иного вида судебной практике (как это имеет место, к примеру, в ситуации с криминализацией похищения человека, где ч. 1 ст. 127 УК РФ лишь называет преступление, а признаки его толкуются в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» от 24 декабря 2019 г. № 58).

2. Отказаться от воспроизведения понятия преступления в диспозиции статьи особенной части, оставив понятие лишь в качестве обозначения соответствующей статьи (как, например, в ситуации с преступлением, предусмотренным ст. 131 УК РФ).

С учетом высказанных ранее соображений относительно назывных диспозиций, а также принимая во внимание требования принципа законности, идеальное воплощение которого требует максимально подробного и полного описания признаков состава преступления в тексте уголовного закона, следует подтвердить недопустимость первой из указанных альтернатив. Опираясь же на законы логики и требования экономии нормативного текста, следует признать перспективный характер второго варианта оформления нормативных предписаний особенной части уголовного права.

При таком подходе логическая структура нормативного предписания будет упрощена, а само предписание будет содержать в себе суждение о пределах наказуемости определенного в этом предписании преступного деяния. Формой его языкового выражения останется предложение, которое будет строиться по схеме: «такое-то деяние наказывается так-то».

Заключение

Подводя итоги исследования вопроса о понятии нормативного предписания особенной части уголовного права, представляется возможным резюмировать следующее:

1. Уголовно-правовая норма права как целостное правило, определяющее пределы и возможности применения государственного принуждения к лицу, совершившему преступление, является логической конструкцией, результатом

интеллектуально-познавательной деятельности и конструируется на основе отдельных уголовно-правовых предписаний, выраженных в различных источниках уголовного права. Норма уголовного права в таком качестве не может служить исходным элементом отрасли уголовного права, основанием его структурирования и систематизации. Начальным звеном системы уголовного права выступает исключительно уголовно-правовое предписание.

2. Нормативное предписание особенной части уголовного права, будучи центральным элементом уголовно-правовой нормы, определяет ее структуру и содержание наряду с иными нормативными предписаниями. Предписание особенной части уголовного права представляет собой выраженное в нормативном предложении особенной части уголовного закона логически завершенное суждение законодателя о пределах наказуемости конкретного преступления, отдельные сущностные признаки которого (прежде всего признаки объективной и субъективной стороны состава) определены в этом предписании, включающее в себя гипотезу, описывающую основания применения мер уголовно-правового принуждения, и диспозицию, определяющую пределы наказуемости преступления.

3. Нормативное предписание особенной части уголовного права, находясь в системном единстве с иными отраслевыми предписаниями (в частности, с положениями закона, устанавливающими содержание общих для всех преступлений признаков состава, с предписаниями, определяющими специфику содержания, размеры и особенности применения отдельных видов уголовных наказаний и т.д.), образует «полную», «логическую» уголовно-правовую норму. Уголовно-правовая норма права как целостное правило, определяющее пределы и возможности применения государственного принуждения к лицу, совершившему преступление, является логической конструкцией, результатом интеллектуально-познавательной деятельности суда и конструируется им на основе отдельных уголовно-правовых предписаний, выраженных в различных источниках уголовного права. Норма уголовного права в таком качестве не может служить исходным элементом отрасли уголовного права, основанием его структурирования и систематизации. Начальным звеном системы уголовного права выступает исключительно уголовно-правовое предписание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Общая теория права : учебник / С.С. Алексеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2009. — 565 с.
2. Коняхин В.П. Нормативные предписания международного уголовного права: понятие, виды, структура / В.П. Коняхин, А.К. Князькина // Союз криминалистов и криминологов. — 2020. — № 4. — С. 21–27.
3. Перевалов В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения / В.Д. Перевалов // Российское право: образование, практика, наука. — 2017. — № 5. — С. 10–19.
4. Загинец З.А. Уголовно-правовые предписания особенной части Уголовного кодекса Украины: особенности композиционно-графического оформления / З.А. Загинец // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. — 2014. — № 2 (17). — С. 46–49.
5. Афанасьева Л.В. Нормы права и их действие: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л.В. Афанасьева. — Москва, 2000. — 22 с.
6. Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право / Н.А. Лопашенко. — Москва : Волтерс Клувер, 2009. — 224 с.
7. Weisberg R. Norms and Criminal Law and the Norms of Criminal Law Scholarship / R. Weisberg // Public Law Working Paper. — 2003. — No. 60. — URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.426880>.
8. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. — 348 с.
9. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т.В. Кленова. — Самара : Самар. ун-т, 2001. — 239 с.
10. Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР / А.В. Мицкевич. — Москва : Юрид. лит., 1967. — 175 с.
11. Денисова А.В. К вопросу о системе уголовного права / А.В. Денисова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. — 2013. — № 1 (13). — С. 90–102.
12. Давыдова М.Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление / М.Л. Давыдова. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2009. — 130 с.
13. Alsafw N.A. Drafting Methods of Criminal legal texts / N.A. Alsafw // Journal Sharia and Law. — 2015. — Vol. 62, art. 4. — URL: https://scholarworks.uaeu.ac.ae/sharia_and_law/vol2015/iss62/4.
14. Кириллов В.И. Логика / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2008. — 576 с.
15. Сырых В.М. Теория государства и права / В.М. Сырых. — Москва : Юстицинформ, 2006. — 930 с.
16. Ситникова А.И. Законодательная текстология и ее применение в уголовном праве / А.И. Ситникова. — Москва : Юрлитинформ, 2010. — 232 с.
17. Engisch K. Einführung in das Juristische Denken / K. Engisch. — 9. Aufl. — Stuttgart : Kohlhammer, 1997. — 292 S.
18. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. М.В. Бавсуна. — Омск : Изд-во Ом. акад. МВД России, 2020. — 768 с.
19. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. — Москва : Контракт, 2015. — 928 с.
20. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. / А.В. Наумов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Волтерс Клувер, 2007. — Т. 1 : Общая часть. — 736 с.
21. Simons K.W. Understanding the Topography of Moral and Criminal Law Norms / K.W. Simons // Philosophical Foundations of Criminal Law / ed. R.A. Duff, S. Green. — Oxford Univ. Press, 2011. — P. 228–253.
22. Чесноков П.В. Логическая фраза и предложение / П.В. Чесноков. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1961. — 99 с.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *General Theory of Law*. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 565 p.
2. Konyakhin V.P., Knyazkina A.K. Legal norms of international criminal law: concept, types, structure. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = The Union of Criminalists and Criminologists*, 2020, no. 4, pp. 21–27. (In Russian).
3. Perevalov V.D. Legal norms: the problems of understanding and definition. *Rossiyskoye Pravo: Obrazovaniye, Praktika, Nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*, 2017, no. 5, pp. 10–19. (In Russian).
4. Zaginets Z.A. Criminal law provisions special part of the criminal code of Ukraine: features compositionally and graphic design. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2014, no. 2, pp. 46–49. (In Russian).
5. Afanaseva L.V. *Norms of law and their effect: questions of theory. Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2000. 22 p.
6. Lopashenko N.A. *Introduction to criminal law*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2009. 224 p.
7. Weisberg R. Norms and Criminal Law and the Norms of Criminal Law Scholarship. *Public Law Working Paper*, 2003, no. 60. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.426880>.
8. Konyakhin V.P. *Theoretical principles of the construction of general part of Russian criminal law*. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentr Press Publ., 2002. 348 p.
9. Klenova T.V. *Fundamentals of the theory of codification of criminal law*. Samara University Publ., 2001. 239 p.
10. Mitskevich A.V. *Acts of the supreme bodies of the Soviet state: the legal nature of the normative acts of state power and administration supreme bodies of the USSR*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1967. 175 p.
11. Denisova A.V. To a question of system of criminal law. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo = Bulletin of the Samara Academy of Humanities. Series: Law*, 2013, no. 1, pp. 90–102. (In Russian).
12. Davydova M.L. *Normative-Legal Prescriptions. Nature, Typology, Technical and Legal Implementation*. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentr Press Publ., 2009. 130 p.

13. Alsafw N.A. Drafting Methods of Criminal legal texts. *Journal Sharia and Law*, 2015, vol. 62, art. 4. Available at: https://scholarworks.uaeu.ac.ae/sharia_and_law/vol2015/iss62/4.
14. Kirillov V.I., Starchenko A.A. *Logic*. 6th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 576 p.
15. Syrykh V.M. *Theory of the State and Law*. Moscow, Yustitsinform Publ., 2006. 930 p.
16. Sitnikova A.I. *Legislative textology and its application in criminal law*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 232 p.
17. Engisch K. *Einführung in das Juristische Denken*. 9. Aufl. Stuttgart, Kohlhammer, 1997. 292 S.
18. Bavsun M.V. (ed.). *Criminal law of the Russian Federation. Special Part*. Omsk, Academy of the MIA of Russia Publ., 2020. 768 p.
19. Konyakhin V.P., Prokhorova M.L. (eds.). *Russian Criminal Law. Special Part*. Moscow, Kontrakt Publ., 2015. 928 p.
20. Naumov A.V. *Russian Criminal Law*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2007. Vol. 1. 736 p.
21. Simons K.W. Understanding the Topography of Moral and Criminal Law Norms. In Duff R.A., Green S. (eds.). *Philosophical Foundations of Criminal Law*. Oxford University Press, 2011, pp. 228–253.
22. Chesnokov P.V. *Logical phrases and sentences*. Rostov-on-Don, Rostov University Publ., 1961. 99 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асланян Руслан Георгиевич — доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, г. Краснодар, Российская Федерация; e-mail: aslanyanruslan@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aslanyan, Ruslan G. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Ph.D. in Law, Krasnodar, the Russian Federation; e-mail: aslanyanruslan@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Асланян Р.Г. Понятие и содержание нормативного предписания особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).82-90 // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 1. — С. 82–90.

FOR CITATION

Aslanyan R.G. The concept and content of regulatory prescription in the special part of criminal law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 82–90. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).82-90.